

Выпуск включает статьи по проблемам истории Новгорода с древнейших времен до современности. Вопросы исторической географии, образования государственного управления на территории Новгородской земли, внутренней и внешней политики и международных связей, духовной культуры, истории губернского Новгорода, советского строительства освещены с точки зрения новых археологических и документальных находок, открытий, дальнейшего освоения известного материала.

Издание рассчитано на историков, археологов, искусствоведов.

Редакционная коллегия:

Б. В. АНАНЬИЧ, В. Д. ВАСИЛЬЕВ,
Э. А. ГОРДИЕНКО (*ответственный секретарь*),
чл.-кор. АН СССР В. А. ШИШКИН,
чл.-кор. АН СССР В. Л. ЯНИН (*ответственный редактор*)

Рецензенты:

А. Я. ДЕГТЯРЕВ и А. П. ПАВЛОВ

В. Я. Конецкий

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Изучение различных аспектов древней истории Приильменя, которое в эпоху средневековья являлось экономическим и политическим ядром владений Великого Новгорода, затруднительно без более или менее конкретных данных об экономическом базисе общества того периода. Цель данной работы — рассмотреть некоторые элементы, определявшие развитие производительных сил в VIII—XIII вв. в центральных районах Новгородской земли (размещение и миграции населения, типы хозяйства и их эволюция и др.). При этом мы придаем важное значение влиянию на указанные процессы естественно-природных факторов. Очерченный круг вопросов вполне охватывается рамками исторической географии со свойственным для этой науки использованием как исторических, так и естественно-природных данных. Особое значение для изучения интересующей нас эпохи имеют материалы археологии.

Исторической географии центральных районов Новгородской земли посвящен ряд работ В. С. Жекулина, в которых проработан огромный объем разнообразных источников. В качестве основных этапов освоения данной территории в эпоху средневековья рассматривается «раннеславянское время», для которого ситуация реконструируется по данным археологии, и XV—XVI вв. с основным источником — материалами писцовых книг.¹

Археологические изыскания, проведенные за последние годы в Приильменьи, в значительной мере расширили источниковую базу, что в определенной степени позволит уточнить и конкретизировать выводы В. С. Жекулина. Так, в частности, впервые появилась возможность рассмотреть промежуточный этап — XI—XII вв., кроме того, «раннеславянские памятники» VI—X вв. предстают не как единое целое, а в виде двух культур, весьма различающихся по своему характеру.²

¹ Жекулин В. С. 1) Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982. С. 180—182, 207—209; 2) Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972. С. 189—208.

² Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли: (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Л., 1982. 1 (11). С. 57—60; Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. : Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1984. С. 12.

Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку исторической интерпретации археологических фактов должен предшествовать их анализ в системе понятий самой археологии, среди которых «археологическая культура» является одним из основных. Большинство исследователей видят за ним конкретную реальность, отражающую определенную степень близости носителей выделяемых культур.

В качестве методического приема мы используем сопоставление археологической культуры и хозяйственно-культурного типа — одного из основных понятий этнографии, между которыми может иметь место существенная корреляция.³

Непосредственный объект нашего рассмотрения — археологические культуры VIII—XIII вв. — характеризуется в настоящее время следующим образом.

1. Культура длинных курганов в Приильменье является частью ее псковско-новгородской группы. Памятники этой культуры представлены различными видами погребальных сооружений, прежде всего полусферическими и валообразными насыпями, по которым она и получила свое название. Кроме того, для этой культуры известны грунтовые захоронения по обряду трупосожжения. Обычно в могильниках количество полусферических курганов в несколько раз превышает число длинных. Существуют могильники, состоящие только из полусферических насыпей. Количество известных поселений невелико, что связано с трудностью их выявления. В настоящее время на рассматриваемой территории зафиксировано более 80 пунктов с бесспорными памятниками культуры длинных курганов. Они сосредоточены восточнее оз. Ильмень в бассейнах Мсты, Пола, отчасти Мологи. Топография могильников стабильна. Они приурочены к основным борам — вдоль дорог или на вершинах дюн. Соответствующие им остатки поселений расположены неподалеку от водоемов.⁴

При раскопках на поселениях выявлен тип жилищ — большие наземные дома с очагом в центре. Из находок, связанных с трудовой деятельностью, известны серпы, жернов, наконечники стрел для охоты на пушного зверя, ножи, удила. Керамика представлена горшками баночной либо тюльпановидной форм. Среди украшений распространены браслеты с расширяющимися концами, фрагменты головных венчиков, различные накладки и бляшки.⁵

В целом облик культуры весьма устойчив на всей территории новгородско-псковской группы. Типы находок имеют аналогии в па-

³ Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 140—146; Марков Г. Е. Проблемы сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Там же. С. 147—157.

⁴ Носов Е. Н. Проблемы изучения. . . С. 57—58.

⁵ Носов Е. Н. Поселение и могильник на оз. Съезжее // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 60—64; Лебедев Г. С. Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. Л., 1982. 1 (11). С. 32.

мятников смежных территорий — в Эстонии, Латвии и на памятниках дьяковской культуры.⁶

Памятники культуры длинных курганов на рассматриваемой территории датируются VI—X вв.,⁷ причем можно полагать, что в последний период ее существования количество этих комплексов, безусловно, уменьшается.

2. Культура сопок традиционно выделяется по высоким погребальным насыпям (сопкам), расположенным в одиночку или небольшими группами, как правило, на берегах водоемов. В непосредственной близости от сопок в нескольких десятках пунктов обнаружены синхронные им селища. Известно также до десятка городищ. Всего на рассматриваемой территории памятники культуры сопок известны более чем в 400 пунктах. Основные территории их распространения — долины крупных рек Ильменского бассейна и окрестности раннегородских центров будущей Новгородской земли — Ладоги и Новгорода.

Немногочисленные пока раскопки на селищах позволили выделить тип жилищ, свойственный посетителям этой культуры, — небольшие наземные, квадратные в плане постройки с печью-каменкой в углу (Золотое Колено), сопоставимые с ранним типом славянских жилищ.

Керамика этой культуры в общем идентична «ладожскому типу», т. е. представляет собой сравнительно высокие усеченно-конические широкогорлые горшки с резким переломом на верхней трети высоты и слегка отогнутым венчиком.⁸

Среди вещевых находок, характеризующих эту культуру, прежде всего хозяйственную деятельность ее посетителей, следует назвать клад сельскохозяйственных орудий из Холопьевого городка, состоящий из наральников, кос, топора, мотыги-тесла и др. Наральник и коса найдены также во рву сопки у пос. Деревяницы.⁹ Другие находки, происходящие из погребений и встреченные на поселениях, — ножи, обломки топоров, наконечники стрел и дротиков, футляры для трута и т. д.

Погребальный инвентарь из сопок имеет в целом эклектичный характер, причем круг аналогий весьма широк. В одной из ладожских сопок найден поясной набор прикамского облика, в других — бляшки, привески и прочие вещи, близкие культуре смоленско-полоцких длинных курганов. Из сопки у д. Золотое Колено происходит западнославянский гончарный сосуд. В сопке у д. Заручевье найдена железная цепь, представляющая деталь конского снаряжения и имею-

⁶ Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ, Е1—8. М., 1974. С. 26—351; Розенфельд И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982. С. 10—11, 85, 93, 118.

⁷ Лебедева Г. С. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. С. 38—40; Носов Е. Н. Проблемы изучения... С. 60.

⁸ Носов Е. Н. Проблемы изучения... С. 59.

⁹ Носов Е. Н. Исследования на берегах Волхова // АО—1981. М., 1982. С. 29; Конецкий В. Я., Верхорубова Т. Л. Работы Новгородского музея // АО—1978. М., 1979. С. 16.

щая аналогию в могильнике Бирка. Ножи с уступчиком, отделяющим черенок от лезвия, также связаны по происхождению с североевропейским кругом древностей.¹⁰

Датировка культуры сопок — VIII—X вв. Отдельные насыпи вдали от городских центров использовались для погребений, возможно, еще в XI в.¹¹

В последние века I тысячелетия н. э. в зоне распространения длинных курганов существует еще одна численно небольшая (до 40 могильников) группа древностей, объединяющая черты погребальных сооружений обеих вышеупомянутых культур. Эти могильники состоят из полусферических насыпей различных размеров — от сопоставимых с сопками до небольших курганов, причем для них характерна обычная топография могильников культуры длинных курганов. Сопкообразные насыпи, однако, отличаются от обычных сопок более округлым профилем и наличием ярко выраженных ровиков вокруг основания. По этим признакам они сближаются с полусферическими насыпями культуры длинных курганов. Наиболее приемлемым объяснением появления этих памятников, которые мы обозначаем как «памятники смешанного типа», следует считать воздействие культуры сопок на культуру длинных курганов.¹² Хотя раскопки подобных насыпей пока были немногочисленны, они дали материалы, сопоставимые прежде всего с комплексом находок культуры длинных курганов. Таким образом, не исключено, что в дальнейшем объем этой культуры несколько расширится. Вместе с тем имеются отдельные факты, указывающие на связь этих памятников с культурой сопок (горшки ладожского типа из курганов у д. Воймерицы).

3. Древнерусская культура сельского населения центральных районов Новгородской земли¹³ формируется в X—XI вв. в результате глубоких социальных изменений. Она представлена различными типами погребальных памятников: грунтовыми могильниками, жальниками и курганами, содержащими погребения по обряду ингумации, а также поселениями — селищами и городищами. Разнообразие погребальных сооружений — реликт культурной дифференциации предшествующей эпохи. При этом грунтовые могильники и жальники восходят к культуре сопок, а курганы — к культуре длинных курганов — прямо или опосредованно, через памятники «смешанного типа». В рамках XI—начала XII в. происходит нивелировка погребального обряда. В результате этого повсеместно, в зависимости от природных условий, распространяются жальники или грунтовые могильники.¹⁴

¹⁰ Миносян Р. С. Четыре группы ножей эпохи раннего средневековья // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 73.

¹¹ Носов Е. Н. Проблемы изучения. . . С. 60.

¹² Концевий В. Я. Население центральных районов. . . С. 12.

¹³ Г. С. Лебедев назвал данную культуру «древнерусской курганной культурой», однако для рассматриваемой территории этот термин представляется не совсем правомерным, учитывая специфику древнерусских погребальных памятников в Приильменье. (См.: Лебедев Г. С. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 22—24).

¹⁴ Концевий В. Я. Население центральных районов. . . С. 9, 14.

Обоснованность отнесения памятников XI—XII вв. к качественно новой археологической культуре подтверждается ее следующими характеристиками: кардинальной сменой погребального обряда, выразившейся в переходе от трупосожжения к труположению и в появлении новых типов погребальных памятников, в замене лепной керамики гончарной и, наконец, в формировании набора женских украшений, практически все элементы которого являются инновациями. Важной качественной характеристикой этой культуры является большая стабильность ее памятников по сравнению с предшествующим периодом.

Достоверная картина сельского расселения в XI—XII вв. в Приильменье может быть получена при картографировании всех категорий памятников. Предшествующие попытки, при которых при картографировании использовались лишь курганы или жальники,¹⁵ заведомо были обречены на неудачу.

В настоящее время известно более 70 памятников XI—XII вв. Они расположены прежде всего в местностях, освоенных в предшествующую эпоху населением культуры сопок. Выход за эти участки в Приильменье крайне незначителен.

Вопрос о характере хозяйства у населения лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства и в первые века его существования, т. е. в период бытования рассмотренных выше археологических культур, содержит ряд дискуссионных моментов. Роль земледелия, основного направления хозяйства, не подлежит сомнению, но его конкретные формы разные исследователи определяют по-разному.

Исторически земледелие существует в виде различных систем, т. е. агротехнических мероприятий, направленных на использование, поддержание и восстановление производительных сил земли.¹⁶ Согласно существующим представлениям, в лесной зоне в эпоху средневековья последовательно сменяли друг друга подсеčno-огневая, переложная и паровая системы. Однако единство в определении важнейших признаков и времени бытования той или иной системы в большинстве случаев отсутствует. Не ставя задачей подробный разбор существующих точек зрения, мы рассмотрим данную проблему лишь под углом зрения, необходимым для нашей темы, т. е. попытаемся выявить существенные признаки указанных систем, которые могли сказаться на сельском расселении, и сопоставить ожидаемую картину с той, которую имеем реально по распространению конкретных памятников.

Пожалуй, больше всего споров вызывает подсеčno-огневая система, возникшая еще в глубокой древности и просуществовавшая

¹⁵ Успенская А. В., Фегнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной Руси» // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. С. 198—201, 205—206 (Труды ГИМ. Вып. 32); Алексеев Л. В. О распространении топонимов «межа» и «рубж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968. С. 249—250.

¹⁶ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 53.

хотя бы в виде пережитка в таежной зоне Восточной Европы вплоть до начала XX в. Она прекрасно охарактеризована в работах П. Н. Третьякова и В. П. Петрова, в основном совпадающих по своим выводам.¹⁷

Подсечная система определяется как способ земледелия, при котором использование огня является не вынужденной мерой, а главным агротехническим приемом для подготовки почвы непосредственно к посеву при одновременном удобрении ее, т. е. заменяющим использование пахотных орудий труда. В этом и заключается важнейшее отличие подсечи от пашенного земледелия (переложного и парового). Кроме того, как указывают специалисты, подсеча может заводиться «на почвах, малоплодородных, или вовсе не плодородных». Главным критерием пригодности участка является наличие на нем определенного типа лесной растительности.

Подсечное земледелие может существовать лишь в комплексе с многочисленными неземледельческими занятиями: охотой, рыболовством и различными лесными промыслами.

К этому следует добавить, что при указанном типе хозяйства нет ни стимулов, ни особых возможностей для сколь-нибудь заметного развития животноводства. Ведь, как уже упоминалось, при подсечном земледелии не нужны ни тягловая сила животных, ни навоз в качестве удобрений. Кроме того, подсеча тяготеет к лесным массивам и связана с необходимостью частой смены мест, а для стабильного животноводства нужны участки травянистой растительности. В условиях лесной зоны ими являются лишь поймы рек и озер. Иными словами, животноводство как источник мясной пищи или средств передвижения при подсече может иметь место, но сочетание этих направлений хозяйства будет страдать определенной дисгармонией.¹⁸

В специальной литературе распространено и более расширенное понимание подсечно-огневого земледелия: в любом использовании огня при подготовке пашни видят порой основание, чтобы говорить о подсечной системе или ее пережитках, не учитывая — ручное это земледелие или пашенное. На данное обстоятельство обращал внимание еще П. Н. Третьяков, предупреждавший, что «не всякое земледелие, где применяется огонь, является подсечным, и что подсечное земледелие характеризуется не только наличием применения огня».¹⁹

Иная точка зрения наиболее четко сформулирована Г. Г. Громыным, полагающим, что некоторые историки «впадают в обычную ошибку, смешивая орудия труда, употреблявшиеся для обработки земли, с системой обработки». По мнению исследователя, наличие пахотных орудий и существование подсечи не противоречат друг другу.²⁰

¹⁷ Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. 1932. Т. XIV. Вып. 1; Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

¹⁸ Петров В. П. Подсечное земледелие. С. 10, 33—34, 66, 83, 158.

¹⁹ Третьяков П. Н. Подсечное земледелие. . . С. 4.

²⁰ Громын Г. Г. Подсечно-огневая система земледелия Новгородской области в XIX—XX вв. // Вестн. МГУ. 1958. 4. С. 149.

Нет необходимости доказывать, что П. Н. Третьяков и Г. Г. Громов вкладывают в термин «подсека» совершенно различное содержание. Если у Третьякова это — действительно четко очерченная, особая система земледелия, то при расширенном толковании, свойственном Громову, подсека превращается в агротехнический прием, связанный с выжиганием лесной растительности, что присуще различным системам земледелия в лесной зоне.²¹ Что же касается тезиса о необходимости отделения орудий труда от системы обработки, то, на наш взгляд, это недопустимо, поскольку именно совокупность орудий труда (шире — средств производства) диктует при конкретных исторических и естественно-географических условиях использование конкретных приемов земледелия, в том числе и применение огня в цикле земледельческих работ.

Существующая в советской исторической и археологической литературе расплывчатость понятия «подсечное земледелие» неизбежно влечет за собой неопределенность в понимании и следующей, стадийно более высокой системы земледелия — переложной. Для нее свойственна обработка участка с применением упряжных пахотных орудий в течение нескольких лет, после чего по мере истощения почвы участок этот оставался на продолжительный срок. Перелог существовал в форме лесного и лугового. Понятно, что предметом дискуссии является прежде всего лесной перелог.

П. Н. Третьяков, характеризуя его, исходил из полного разрыва этой системы с подсекой, что, по мнению исследователя, заключалось не только в использовании пахотных орудий, но и, что особенно важно подчеркнуть, в почти полном отказе от применения огня при расчистке лесного участка. Другим исходным постулатом считалось увеличение посевного и сокращение межпосевного периодов на конкретном участке по сравнению с подсекой.²²

Неубедительность этих построений ощущалась уже давно,²³ но с особенно резкой критикой подобных взглядов выступил Г. Е. Кочин, отметивший, что «ни П. Н. Третьяков, ни те, кто подхватил его догадку, не высказывались с необходимой полнотой по самому существенному в данном случае вопросу — каким образом расчищали и готовили к посеву лесные участки, т. е. как было организовано земледельческое производство».²⁴ Поскольку, как считал Г. Е. Кочин, лесные участки могли расчищаться лишь с примене-

²¹ Вопрос о том, является ли подсека системой земледелия или всего лишь способом подготовки почвы, был рассмотрен Н. А. Кирьяновой на материалах Северо-Запада IX—XIV вв. Она справедливо указала, что «подсека», известная по древнерусским письменным источникам, не является особой системой, и фактически отождествила ее с лесным перелогом. Настоящая подсека, т. е. «подсека как система земледелия», оказалась, к сожалению, за хронологическими рамками исследования. См.: Кирьянова Н. А. Земледелие Северо-Запада Древней Руси конца IX—XV в. : Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983.

²² Третьяков П. Н. Подсечное земледелие. . . ; Левашова В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. С. 22—23.

²³ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1948. С. 49.

²⁴ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XIV в. М.; Л., 1965. С. 130.

нием огня (другого способа по документам и этнографической литературе неизвестно), становятся непонятными различия между лесным перелогом и подсекой.

Единственно возможный путь улучшения земледелия, полагал данный исследователь, — «переход от подсеки к земледелию пашенному, полевому».

Справедливая критика в адрес П. Н. Третьякова по поводу реконструированных им критериев переложной системы, доходящая до полного ее отрицания, не дает, однако, ответа на вопрос: куда же в таком случае следует отнести способ земледелия, носящий, на наш взгляд, совершенно приемлемое название «подсека с пахотой», но тем не менее существовавший еще в XIX в. в широчайших масштабах? ²⁵ Мы считаем, что иначе, как «лесной перелог», он определен быть не может. Ведь здесь последовательно и четко выдержаны два основных признака перелога — использование пахотных орудий и естественное возобновление плодородия почвы.

Предварительная очистка участка с помощью огня иногда использовалась и при луговом перелогe (так наз. кубыши — участки выжженного дерна). Это еще раз подчеркивает, с одной стороны, невозможность сведения лесного перелога к подсеке по принципу: где использование огня, там и подсека, а с другой, — что применение огня не является существенным признаком переложной системы, а может иметь или не иметь места в зависимости от конкретных условий.

Начальные формы пашенного земледелия требуют привязки к наиболее плодородным почвам. Вместе с тем они должны обладать легким механическим составом. ²⁶

Паровое земледелие, как и переложное, характеризуется применением упряжных пахотных орудий, однако, в отличие от последнего, при этой системе обрабатываются одни и те же поля, которые попеременно оставляют для отдыха под паром. Еще одна характерная особенность паровой системы заключается в применении удобрений, в первую очередь навоза.

Становление парового земледелия в лесной зоне падает уже на эпоху, в некоторой степени отраженную в исторических источниках. После выхода в свет работы Г. Е. Кочина достаточно утвердилось мнение, что завершение этого процесса относится приблизительно к XIV в. ²⁷

Суммируя сказанное, можно считать, что подсечное земледелие, базирующееся на использовании огня и ручных орудий обработки земли, входило как компонент в определенный хозяйственно-культурный тип, сочетаясь с охотой, рыболовством и лесными промыслами.

²⁵ Громов Г. Г. Подсечно-огневая система. . . С. 141—151.

²⁶ Жекулин В. С. Историческая география. . . С. 61; Успенская А. В., Фезнер М. В. Поселения Древней Руси // Очерки истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. С. 12—15.

²⁷ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство. . . С. 78; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977. С. 50.

Пашенное земледелие (переложное и паровое) входит в совершенно новую, стадильно более высокий хозяйственно-культурный тип, основу которого составляют земледелие и животноводство.²⁸

Иными словами, эти типы хозяйства обладают конкретной и жестко обусловленной структурой и ориентируются на различные типы ландшафтов. Поэтому переход от низшего типа к высшему далеко не прост и происходит не в результате эволюции отдельных элементов, а лишь путем полной перестройки всей системы. Более или менее плавное развитие возможно лишь в исключительных случаях, связанных с конкретными местными естественно-природными условиями.

Если с изложенных позиций проанализировать интересующие нас культуры, то неизбежно напрашивается вывод, что население, оставившее длинные и полусферические курганы, в первую очередь занималось подсекой. На его связь с земледелием указывает характер найденных орудий труда, среди которых нет связанных с пахотой, но имеются серпы для уборки урожая и жёрнов для размола зерна. Кроме того, памятники культуры длинных курганов располагаются в местах, мало или вовсе не пригодных для пашенного земледелия, исключительно на участках, «где почвенный покров состоит из песков и легких супесей (озерно-ледниковые, озерно-аллювиальные, озерные равнины, задрды), занятых сейчас основными лесами». В настоящее время эти ландшафты в большинстве случаев исключены из сельскохозяйственного землепользования. В то же время они представляются едва ли не самыми идеальными для кратковременной подсеки. Подготовка участков к посеву не представляет особой сложности, поскольку в сосновых борах подлесок развит очень слабо, сама сосна является прекрасным горючим материалом, а характер ее корневой системы позволяет не проводить корчевку. Вместе с тем легкость почвы упрощает заделку семян.

На заметную роль охоты (в первую очередь пушной) у населения культуры длинных курганов указывают находки накопечников-срезней для стрел. Кости лошадей и удила, найденные в ряде пунктов, свидетельствуют о знакомстве этого населения с коневодством, необходимым, как это будет ясно из дальнейшего изложения, в качестве источника для транспорта.

В отношении культуры сопок наблюдается совершенно иная картина. Прежде всего ее памятники приурочены к достаточно плодородным, легким аллювиальным почвам речных и озерных долин. Данные участки были наиболее притягательными для земледельческого населения на протяжении многих веков.²⁹

Памятники культуры сопки привязаны и к другому типу почв: дерново-карбонатным, известным в юго-западном Приильменье, а за пределами рассматриваемой территории — местами в верховьях Луги и окрестностях Старой Ладogi. Потенциально они являются плодо-

²⁸ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 206—215.

²⁹ Седов В. В. Новгородские сошки. . . С. 9.

родными для Северо-Запада, но очень трудны для обработки. Последнее обстоятельство обусловило то, что даже в XV—XVI вв. составители новгородских писцовых книг к «добрым» такие почвы не относили.³⁰

Размещение населения культуры сопок на самых плодородных почвах не было случайным. Предваряя возможные возражения по поводу причин сосредоточения большинства сопок по берегам рек и озер, заметим, что ни пути первичного расселения, ни рыболовство не играли здесь определяющей роли. Это доказывается тем, что в юго-западном Приильменье население культуры сопок было вынуждено жить в экстремальных условиях из-за почти полного отсутствия рек и ручьев, обусловленного быстрым просачиванием поверхностных вод сквозь толщу известнякового пласта. Лишь у подножия уступа, образованного выходами коренных пород, вдоль которого и концентрируются как древние памятники, так и современные поселения, выбиваются родники с жесткой, известковой водой. Единственным фактором, компенсировавшим эти неудобства, могло быть лишь плодородие почв, хотя и крайне тяжелых для обработки.

Приведенные характеристики почв говорят отнюдь не в пользу бытования подсеки у населения культуры сопок, к стати сказать, на дерново-карбонатных почвах из-за особенностей их химического состава вообще невозможной,³¹ однако решающую роль здесь играют указанные ранее свидетельства о находках остатков пахотных орудий. Кроме того, наральники VIII—X вв. известны в слоях древнейших городских центров Северо-Запада — Новгорода и Ладоги.³² К этому можно добавить, что в основании культового сооружения культуры сопок — так наз. «каменного круга» — у д. Коломо в юго-западном Приильменье зафиксированы непосредственные следы древней распапки.³³

Итак, имеющиеся сведения позволяют вполне определенно охарактеризовать систему земледелия у населения культуры сопок. Это было, безусловно, пашенное земледелие, которое в ту эпоху могло существовать лишь в форме перелога. Переложное земледелие у славянских племен лесостепи существовало еще до расселения славян в лесной зоне и, как считают некоторые исследователи, было перенесено туда в готовом виде.³⁴

Различие естественно-природных условий, в которых находятся памятники культуры сопок, позволяет предполагать, что данное население могло использовать как луговой, так и лесной перелог. Первый, безусловно, имел место в Поозерье, наиболее густонаселен-

³⁰ Жекулин В. С. Историческая география. . . С. 120—121.

³¹ Давидчук В. С., Фролов И. К. К истории заселения орловского течения реки Оки в I тысячелетии н. э. // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 15.

³² Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 315.

³³ Конецкий В. Я. О «каменных кругах» юго-западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 37—44.

³⁴ Довженко В. И. Землеробство Древней Руси. Київ, 1961. С. 11, 83; Громов Г. Г. Подсечно-огневая система. . . С. 151.

ном районе в эпоху сопок, где ежегодно огромные пространства затапливаются во время половодья и можно предполагать существование в древности значительных участков, занятых луговой растительностью, к тому же ежегодно удобряемых илом. Подобное явление могло наблюдаться и кое-где в других местах, ведь в конечном счете подавляющее большинство сопок приурочено к крупным водоемам, однако в большинстве случаев древнее земледелие, несомненно, было сопряжено с предварительным сведением леса или кустарника.

В археологической литературе со времени выхода в свет работы П. Н. Третьякова трудности, связанные с «подсекой», явно преувеличиваются. Как показывают этнографические данные, еще в конце XIX—первой трети XX в. «подсека с пахотой», т. е., по нашей терминологии, «лесной перелог», в качестве дополнения к полевому пашенному земледелию существовала повсеместно в Новгородской губернии, причем эти работы велись силами обычных крестьянских семей. Данная система позволяла получать в течение 3—7 лет высокие урожаи, после чего участок использовался в качестве сенокоса.³⁵ Использование при обработке земли лишь примитивной сохи и бороны-сукватки, отсутствие искусственных удобрений и каких-нибудь особых агрономических приемов и, наконец, географическая привязка этих сведений делают правомерным привлечение их при реконструкции земледелия у населения культуры сопок.

В отношении характера хозяйства в древнерусскую эпоху, точнее говоря, в XI—XII вв., исследователи единодушны, что в это время паровое пашенное земледелие имело место. Дискуссионным является лишь вопрос о его удельном весе по сравнению с другими системами.³⁶ Далее мы подробнее рассмотрим данный вопрос. Здесь же подчеркнем лишь бесспорный факт существования паровой системы в XI—XII вв., что имеет для нас принципиальное значение.

Итак, как же влияют рассмотренные выше системы земледелия на характер сельского расселения?

Ведение земледельческого хозяйства в условиях господства подсечной системы с кратковременным использованием площади подсеки под посев неминуемо влечет неполную оседлость, частую смену мест поселений. Поэтому большое количество археологических памятников, существовавших короткое время и привязанных к соответствующим лесным почвам, является свидетельством в пользу существования подсеки у населения данной культуры.³⁷

Всё это прекрасно укладывается в картину, которую дает культура длинных курганов. Средние размеры могильников (около десятка насыпей, большинство из которых содержит одиночные захоронения) свидетельствуют о подвижности данного населения. Необходимость перемещений была обусловлена сравнительной редкостью сосновых боров в Приильменье и трудностью их воспроизводства

³⁵ Громов Г. Г. Подсечно-огневая система. . . С. 149.

³⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. С. 52; ср.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство. . . С. 78 и др.

³⁷ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство. . . С. 57.

на выжженных участках. При этом посетители культуры длинных курганов вынуждены были использовать порой даже минимальные островки сосновых боров площадью буквально в несколько гектаров (Кобылья Голова, Сорочино, Каменка, Нестеровичи и др.), оторванные от основных районов распространения данной культуры. Таким образом, известная в настоящее время совокупность памятников культуры длинных курганов существовала отнюдь не одновременно, и в целом это население было невелико по численности.

Пашенное переложное земледелие, как и подсечное, является экстенсивной системой, т. е. при нем имеет место истощение почв, влекущее за собой смену участков, используемых для пахоты, а в конечном счете и мест поселений. Подобная ситуация характерна даже для районов лесостепи с их плодородными почвами, как это показала И. Плейнерова для раннеславянских памятников пражского и корчакского типов на Украине, в Чехословакии и Польше. Периодический перенос поселений в рамках относительно близкой округи образовывал в итоге сгустки одновременных памятников.³⁸

Для культуры сопок фактор истощения почв обладал несравненно более жестким действием, что связано, во-первых, с относительно низким плодородием почв лесной зоны, во-вторых, с ограниченными размерами участков, пригодных для первоначального пашенного земледелия. Собственно говоря, во многих случаях, что подтверждается и распространением сопок, осваивались лишь расположенные в долинах рек мысовые поймы, отстоящие друг от друга на расстоянии до 1—2 км. Выход за пределы пойм часто был вообще невозможен, поскольку почвы коренных берегов имеют совершенно иные характеристики.

Характер распространения памятников культуры сопок аналогичен таковому, описанному выше, свойственному раннеславянским памятникам более южных районов. Группы сопок, а следовательно, и селища при них образуют скопления, внутри которых памятники располагались на сравнительно недалеком расстоянии друг от друга. Между такими скоплениями наблюдаются обширные свободные пространства.³⁹

Хотя поселения культуры сопок исследовались еще мало, все же и на этом материале в некоторой степени подтверждаются периодические перемещения населения. Так, на поселении у д. Золотое Колоно на Мсте, где, кстати сказать, находился один из крупнейших сопочных могильников — 17 насыпей, некоторые сопки были насыпаны из культурного слоя селища. Керамический материал из раскопов, заложенных на разных участках, имел заметные типологические и хронологические различия. Это, на наш взгляд, говорит о том, что население покидало эти места и вновь возвращалось. Вероятно, подобная ситуация имела место и при большой группе сопок у д. За-

³⁸ Плейнерова И. О характере раннеславянских поселений пражского и корчакского типов // СА. 1980. № 2. С. 55.

³⁹ Носов Е. И. Поселения Приильменья и Поволжья в конце I тысячелетия н. э. : Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М. 1977. С. 20.

ручевье, где два хронологически не стыкующихся между собой участка поселения были обособлены и топографически.⁴⁰

Весьма убедительные аргументы в пользу недолговечности обитания на одних местах дают и сами сопки. Считается, что эти памятники содержат захоронения, которые исчисляются десятками.⁴¹ Однако обращение к фактическому материалу показывает, что число захоронений ни разу не превышало шести. Ссылки на неполноту данных звучат неубедительно, поскольку привлечение памятников, по В. В. Седову, «хорошо сохранившихся и обстоятельно раскопанных»; подобных сопке у с. Михаил-Архангел, ничего здесь не меняет.⁴² Проведенные за последние годы раскопки насыпей, полностью сохранившихся, также дали количество погребений, близкое к указанному.⁴³

Если все же взять за среднее количество погребений в одной сопке 5—6, что, несомненно, превышает фактическое количество, то из этого следует, что типичный могильник, состоящий из 2—3 сопок, должен был возникнуть максимум за несколько десятков лет,⁴⁴ в действительности этот срок следует считать намного меньшим, поскольку коллективы, которые могли насыпать сопки, были достаточно большими.

Итак, из громадного количества памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье, оставленных населением культуры сопок и длинных курганов, одновременно могла существовать лишь какая-то их часть. Тем самым намечается путь к объяснению несоответствия в количестве памятников этого периода, с одной стороны, и XI—XII вв. — с другой.

Даже беглое знакомство с памятниками XI—XII вв. показывает, как уже упоминалось, их значительную стабильность. Практически все известные ныне поселения древнерусского времени датируются периодом, охватывающим несколько веков. Конечно, во многих случаях эти датировки, сделанные лишь на основе подъемного материала, отражают еще и приблизительность хронологических привязок, но с ними следует считаться. Свидетельствами устойчивости жизни могут служить и отдельные населенные пункты, известные по названиям еще с XI—XII вв. и существующие вплоть до наших дней. Но лучше всего это видно на примере больших могильников (грунтовых или жалыничных), функционировавших на протяжении ряда веков.

Указанный характер древнерусских памятников, отразивший длительную стабильность населения на одних и тех же местах, полностью

⁴⁰ *Исов Е. Н.* Отчет о работах Новгородского отряда ЛОИА в 1975 г. Рукопись. Л. 19; *Конецкий В. Я.* Исследование памятников культуры сопок в Новгородской области // АО—1981. М., 1983. С. 19.

⁴¹ *Седов В. В.* Восточные славяне. . . С. 63.

⁴² Там же; ср.: *Петренко В. П.* Сопка у с. Михаил-Архангел в юго-восточном Приладожье по раскопкам П. Е. Бранденбурга // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 69—76.

⁴³ *Конецкий В. Я.* Исследование памятников. . . С. 19.

⁴⁴ *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975. С. 90—92.

вписывается в отмеченное историками появление в этот период паровой системы земледелия. Именно паровая система, впервые позволяющая эксплуатировать одни и те же участки, делает возможной и целесообразной длительную оседлость населения. Даже если видеть причины стабилизации мест поселений в действии различных, в том числе и социальных, факторов (например, формирование сети погостов и т. д.), то все равно оседлость должна иметь под собой экономическую базу, а создать эту базу может лишь паровое земледелие.

Обстоятельно рассмотренный Н. А. Кирьяновой вопрос о времени складывания парового земледелия на Северо-Западе позволил сделать вывод, что комплекс признаков, характеризующих данную систему земледелия, формируется с X в. В это время появляется двуузбая соха, ставшая на много веков основным орудием крестьянина в лесной зоне, фиксируется возделывание озимой ржи. Анализ состава семян сорняков также говорит в пользу существования паровой системы.⁴⁵

И тем не менее паровое земледелие в рассматриваемый период находилось еще в процессе становления, что выразилось в возможности использовать лишь наиболее плодородные земли, освоенные еще в эпоху сопок.⁴⁶ И самое главное, оно могло существовать лишь с опорой на перелог, т. е. участки пашни, ближайšie к поселению, использовались постоянно за счет лучшей обработки и отдыха под паром и, возможно, удобрений, а дальние, как и в эпоху сопок, эксплуатировались до истощения и затем менялись на другие. Такое сочетание в крупных масштабах характерно для земледелия Новгородской земли в XV—XVI⁴⁷ и даже XIX—первой трети XX в.,⁴⁸ так что в древнерусский период обойтись без парового земледелия было совершенно невозможно. Но оно требовало достаточного массива подходящих земельных участков, поэтому поселения древнерусского времени в долинах рек не достигли плотности, маркированной сопками.

Избирательность в выборе почв для земледелия в рассматриваемый период обуславливала необходимость постоянного оттока избыточного населения из центра Новгородской земли на ее окраины. Еще в конце эпохи сопок подобные памятники появляются в низовьях р. Великой. Значительный поток переселенцев из Новгородской земли в IX—XI вв. фиксируется в Ярославском Поволжье и Волго-Клязьминском междуречье. В XI в. выходцы из Приильменя принимали активное участие в колонизации Причудья. В XII—XIII вв. происходит заселение Ижорского плато. С Новгородской землей связан ведущий компонент населения Костромского Поволжья, которое заселяется в это же время. И, наконец, новгородская колониза-

⁴⁵ Кирьянова Н. А. Земледелие. . . С. 11—15.

⁴⁶ Даже в конце XIX в., по данным А. В. Елисеева, в бассейнах р. Ловати и Мсты урожай зерновых в местах массового распространения сопок были в 2—3 раза выше, чем на смежных территориях. См.: Елисеев А. В. К археологии и антропологии Ильменского бассейна // ЖМНП. СПб., 1881. Ч. ССХIV. С. 322.

⁴⁷ Жекулин В. С. Историческая география. . . С. 113—115.

⁴⁸ Громов Г. Г. Подсечно-огневая система. . . С. 148; Жекулин В. С. Историческая география. . . С. 116.

ция сыграла важнейшую роль в истории Русского Севера.⁴⁹ Однако само Приильменье продолжало оставаться заселенным весьма слабо. Такой вывод полностью согласуется с наблюдениями Б. А. Рыбакова, который обратил внимание на то, что коренная новгородская территория в административном отношении делилась на «сотни», а не на «тысячи», как другие древнерусские княжества.⁵⁰

С конца XIII—XIV в., если следовать Г. Е. Кочину, трехпольная система сформировалась окончательно, в результате этого стало возможным заселение водоразделов с их менее плодородными, тяжелыми почвами, которое привело к возникновению в конце XV в. широчайшей сети поселений, зафиксированных писцовыми книгами. Правда, и возможности внешней колонизации к этому времени были, видимо, уже исчерпаны.

Несомненно, наряду с почвами через хозяйство на размещение населения влиял и климат. К сожалению, вопрос этот еще недостаточно разработан и мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Об изменении климата в интересующий нас период известно следующее. Начиная с X в. возрастала его увлажненность, достигшая пика в XIII—XIV вв.⁵¹ Как следствие этого повышается уровень водоемов и грунтовых вод. Материальным выражением этого процесса является мощный слой ила, отложившийся в XIII—XVII вв. в урочище Коломцы под Новгородом.⁵²

Влияние роста увлажненности на расселение было разнообразным. Поскольку основные заселенные территории находились в поймах рек и озер, повышение уровня грунтовых вод могло затруднить хозяйственную деятельность. На территории ГДР в это время наблюдается перенос поселений на более высокие террасы.⁵³ Возможно, этим же объясняется характерная для долины Ловати (исключая ее низовья) ситуация, когда памятники VIII—XII вв. находятся на пойменных террасах, а современные деревни располагаются на коренных берегах.

Для бедных водой районов с дерново-карбонатными почвами рост увлажненности, наоборот, улучшил условия жизни. Напомним здесь, что сопки юго-западного Приильменья не случайно приурочены

⁴⁹ *Плоткин К. М.* Исков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э. : Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1980. С. 6; *Седов В. В.* Восточные славяне. . . С. 118; *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 70, 73; *Глазов В. П.* О курганах Костромского Поволжья // КСИА. 1977. 150. С. 40. *Бернштам Т. А.* Поморы. Л., 1978. С. 26—35.

⁵⁰ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 530.

⁵¹ *Шитиков А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Зап. ГО. 1957. 16. С. 139; Изменчивость трансгрессий и регрессий Балтики и прибалтийских побережий в свете неравенства сил тяготений // Матер. к симпозиуму по истории озер Северо-Запада. Л. С. 21; *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966. С. 64.

⁵² *Жекулин В. С.* Историческая география ландшафтов. . . С. 103—104.

⁵³ *Гринмут-Дальмер Э.* Развитие культурного ландшафта в западнославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования // СА. 1975. № 2. С. 82—83.

к краю известкового уступа, где есть вода. В древнерусское время освоенность данного района увеличилась.

Нам представляется, что именно этот климатический сдвиг сделал возможным в XII—XIII вв. заселение Ижорского плато, ставшего подлинной житницей Новгородской земли. При нынешнем уровне грунтовых вод и при отсутствии современных механических средств во многом жизнь там была бы невозможной.⁵⁴ А в XII—XIII вв. сеть поселений на Ижорском плато формируется даже без учета имеющих там немногочисленных мелких рек.⁵⁵

Трудно сказать, насколько повлиял рост увлажненности на появление больших масс населения на водоразделах в самом Приильменье, но такое влияние могло иметь место.

Итак, сопоставление археологических культур, бытовавших в Приильменье в VI—XII вв., с конкретными типами хозяйства, реконструированными для данных групп населения, позволяет предполагать, что носителям культуры длинных курганов было свойственно подсечное земледелие в сосновых борах в сочетании с лесными промыслами. Экономика населения культуры сопок, как и древнерусского населения XI—XII вв., базировалась на гармоничном сочетании животноводства и пашенного земледелия (в первом случае в форме переложной системы и паровой — во втором).

Бытование указанных типов хозяйства в конкретной естественно-природной ситуации Приильменья позволяет сделать ряд более или менее определенных выводов, касающихся хода культурно- и демографического процесса в центральных районах Новгородской земли.

В частности, сосуществование в Приильменье во второй половине I тысячелетия н. э. двух групп населения, столь существенно различающихся по культурно-хозяйственному типу, делает весьма правомерным постановку вопроса об их этнической неоднородности. И если попытаться атрибутировать в этом отношении рассматриваемые археологические культуры в рамках противопоставления «славяне — финны», поскольку именно финно-угорский субстрат участвовал в формировании древнерусского населения Приильменья, то следует признать, что при современном состоянии источниковой базы наиболее правомерным будет отождествление носителей культуры сопок с основным славянским элементом, а длинных курганов — прежде всего с местным субстратным населением, несомненно финно-угорским в своей основе.

Быстрые темпы аккумуляции и ассимиляции носителей культуры длинных курганов со стороны культуры сопок следует связывать, видимо, не только с существенными различиями в хозяйственно-культурном уровне, но и с кризисом экономической базы населения культуры длинных курганов ввиду быстрого истощения борных ландшафтов. Результатом хозяйственной перестройки и явилось сложение к XI—XII вв. единого населения, базирующегося на пашенном земледелии.

⁵⁴ Кольчатова В. А. О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 61.

⁵⁵ Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация. . . С. 66 (карта).

Начальные формы пашенного земледелия, в первую очередь парового, требовавшие привязки к наиболее плодородным и легким почвам, в конкретной естественно-природной ситуации Приильменья создавали переизбыточное население, вынужденное мигрировать на смежные территории. Хотя в целом новгородская колонизация была вызвана, очевидно, комплексом причин, действовавших в условиях становления феодализма, несомненно, что указанный естественно-природный фактор играл здесь далеко не последнюю роль.⁵⁶

В силу этих причин центральные районы Новгородской земли в XI—XII вв. оставались заселенными очень слабо. Лишь с XIII—XIV вв. население появляется в массовом количестве на основных территориях водоразделов.

Сформировавшаяся в XI—XII вв. в Приильменье единая материальная и духовная культура, которая является эквивалентом территориально-диалектическому образованию, определяемому в литературе термином «новгородцы»,⁵⁷ в результате миграции была перенесена на широкие территории от побережья Чудского озера до Подвинья и Костромского Поволжья и явилась основой культуры северной ветви великорусской народности.⁵⁸

⁵⁶ Кизилов Ю. А. Географический фактор в истории средневековой Руси // ВИ. 1973. № 3. С. 56—59.

⁵⁷ Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 115, 220—225.

⁵⁸ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 188; Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С. 116—118, и др.